

единство индивида, а то, что обладает единством, низшим по отношению к нумерическому, не могло считаться каким бы то ни было видом единства. Не обладая подлинным единством, эти воображаемые общие природы лишены, следовательно, реальности.

Если универсалия не имеет никакой реальности вне души, то остается, чтобы она обладала ею в душе. Какова может быть природа этой реальности? Мы узнаем это, если сумеем ясно определить, в чем состоит познание. Никто — по крайней мере не сумасшедший — не станет возражать, что некоторые утверждения верны, а некоторые ложны: каждому доводилось слышать ложь. Значит, можно сказать, что есть истина и есть ложь, и несомненно можно согласиться с тем, что истина, и только она, может быть объектом науки. Поищем, следовательно, то, что хотят сказать, когда притязают на знание того, что выражает предложение «человек смертен».

Предложения образуют как бы ткань, из которой скроено знание: вся наша наука заключена в предложения, и нет, кроме них, ничего другого, что могло бы быть познано. Предложения состоят из терминов (мыслимых, сказанных или написанных), которые являются универсалиями. Эти термины могут входить в состав предложений — объектов науки — только потому, что они имеют определенное значение. Говорят, что некий термин обозначает объект, который он замещает, то есть субститутом которого он является в предложении. Эта функция термина, заключающаяся в замещении объекта, называется суппозицией (*suppositio*). Есть три вида суппозиции. В суппозиции первого вида термин обозначает само слово, которое его образует, например: «человек — это сло-

во»; здесь «человека» замещает само слово «человек», взятое в его материальности. Суппозиция этого вида именуется материальной (*suppositio materialis*). В суппозиции второго вида термин обозначает реальный индивид: например, «человек бежит»; здесь бежит не слово «человек», а какой-то человек, какое-то лицо. Такая суппозиция именуется персональной (*suppositio personalis*). В суппозиции третьего вида термин обозначает нечто общее: например, «человек — это вид»; здесь слово «человек» обозначает не индивида, но «попросту» некую общность. Такую суппозицию называют простой (*suppositio simplex*).

До этого момента мы оставались на почве чистой логики. Метафизика начинается тогда, когда философ задает себе вопрос, что соответствует тому «общему», которое обозначается термином предложения в случае простой суппозиции? Оккам был убежден — и, возможно, не без оснований, — что до него никто не пришел к ясному решению этой проблемы. Некоторые мыслители-реалисты прямо учили о существовании универсальных реальностей. Это привело к тому, что сама универсалия стала единичной вещью, что видно на примере идей Платона. Другие, напротив, считали, что универсалия существует только в мысли; однако, установив это, они продолжали искать, что же в реальности соответствует этой универсалии, которую мы постигаем в мысли. Часто им хватало немногого, но это немногое все же было нечто. Позиция Оккама заключается в утверждении, что, сколь бы ни было мало это нечто, его слишком много.

Обоснование этой позиции Оккам начинает с положения, что всякая реальная вещь индивидуальна в полном смысле слова. Так, все реальное вне мысли есть индивид и является таковым не в силу, как полагал Дуне Скот, индивидулирующей детерминации, которая якобы добавляется вместе с ним к общей природе: он таков в силу того, что он есть. Это чрезвычайно важный момент, так как он лишает всякой надежды обнаружить в ве-